ӨЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ

ХАБАРШЫСЫ

ЖИГИРМА ТӨРТИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛЫЎЫ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 3 (93)

1983

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ
НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

НӨКИС НУКУС

салыныўына байланыслы Гөне Шоманай қорғанынан хожалықлар ҳәр жаққа тарапкетти.

Жуўмақлап айтқанда Жаңакала (Гөне Шоманай) қорғаны Хийўа ханы тәрепинен салынған, қорғанның өмир сүриўи 1859—1899-жыллар-ға туўра келеди. Естелик Әмиўдәрьяның сол тәрепиндеги халықлардың тарийхы ҳәм қорғаныў фортификациясынан дерек береди.

Резюме

В статье дано краткое сообщение о крепости Жана-кала (Старый Шуманай), существование которой относится к 1859—1899 г. г.

АРХЕОЛОГИЯ

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

КОРОПЛАСТИКА С ГОРОДИЩА БОЛЬШАЯ АЙБУЙИР—КАЛА.

Терракотовые статуэтки—один из основных видов изобразительного искусства античности, воплощающих в себе духовный мир, религиозные воззрения, этнические особенности тех или иных народностей, —часто встречаются при археологических исследованиях. Здесь мы охарактеризуем некоторые образцы терракотов с городища Большая Айбуйир—кала (Джампык—кала) (в 41 км западнее пос. Шуманай), где во время археологических раскопок в 1976, 1979 и 1982 гг. , весьма интересные статуэтки антро—и зооморфного характера. Терракоты обнаружены в различных слоях памятника и относятся к двум периодам.

Материал, залегавший вместе со статуэтками в нижних слоях городища, относится к IV—III вв. до н. э. [1, с. 92—105].

Терракоты второй группы датируются также по комплексу керамики, обнаруженному в верхнем слое верхнего горизонта Большая Айбуйир—кала I—III вв.

К первому периоду относятся три женские статуэтки. Прежде всего это фрагмент фигурки стоящей обнаженной богини (рис. 1, 4). Голова и ноги отбиты. Правая рука прижата к груди, левая слегка согнута и кисть ее лежит ниже живота. Бедра узкие, стройные, живот слегка выпуклый. Судя по положению излома—ноги сомкнутые, выделен треугольник пола. Статуэтка изготовлена из светло-кремовой глины. Размеры: высота—5,5 см, ширина верхней части—4,6 см, нижней—3,3 см, толщина—3 см Статуэтка покрыта красным ангобом. В целом описываемая фигурка передаёт облик богини матери, несущей в чреве плод новой жизни. Статуэтка обнаженной богини найдена в нижнем слое Кой-Крылган-кала [2, с. 338, табл. 25,6].

Близкие изображения обнаженных или полуобнаженных богинь характерны для всех основных историко—культурных областей Средней Азии, где существовала традиция изготовления культовых статуэток [3, с. 120—123; 4, с. 218—221; 5, с. 11—29; 6, с. 189, рис 1]

Вторая головка выполнена горельефно, и её детали хорошо проработаны. Широкие открытые глаза почти прямого разреза, без зрачков. Лицо широкое, лоб невысокий, брови длинные—дуговидные. Нос с высокой узкой переносицей, внизу широкий. Рот небольшой, расположен близко к носу; губы пухлые, подбородок выступающий, округлый. Зачесанные за уши волосы заканчиваются узкими буклями. Шея женщины полная, и украшена двойной гривной или ожерельем. На голове-

повязка, украшенная тремя круглыми брошами (рис. 1,8). Статуэтка изготовлена из красновато-розовой глины. Ангоб красный. Размеры: высота—4,8 см, ширина—3 см, толщина—2,4 см.

По типу лица, головному убору описываемая статуэтка близка к изображению богини плодородия из Афрасиаба [7, с. 32, рис. 6].

Голова следующей статуэтки была поднята с поверхности памятника. Статуэтка плохой сохранности. Черты лица её только угадываются. Лицо удлиненное. Подбородок выступающий, округлый. Шея короткая, массивная украшена *гривной*. Покрывало облегает и голову, оставляя открытыми уши и зачесанные за них букли (рис. 1, 1). Статуэтка *имеет красновато—розовой черепок* и красный ангоб. Высота-5,2 см, ширина—4,9 см, толщина—3,9 см. Описываемая головка обнаруживает некоторое сходство в характере изображения и технике изготовления с одной из статуэток из Джанбас—калы, которая, по мнению С. П. Толстова, относится к богине вод и плодородия Анахиты [18, с. 200—201, табл. 73, 3—4].

Антропоморфные изображения второго периода представлены 7 фигурками, из которых 4—женские и 3—мужские.

Целая терракота представляет собой стоящую обнаженную женскую фигуру (рис. 1, 5). Фигурка стройной пропорции. От довольно широких плеч она постепенно суживается книзу. На голове изображено мягкое покрывало. Лицо круглое, глаза миндалевидные, прямого разреза, под широкими дугообразными бровями, нос с узкой переносицей. Рот небольшой, расположен близко к носу, губы пухлые, подбородок выступающий, округлый. Шея, кроме бус в 3 ряда, украшена спущенным на грудь ожерельем, показанным тонкой ромбовидной линией. Отчетливо видны груди в виде двух шишкоподобных выступов. Правая рука согнута и лежит на груди, левая опущена и лежит на бедре против лона. Пальцы рук вытянуты. Бедра узкие, стройные. Ноги сомкнутые, прямые. Спина подстругана ножом, а бока заглажены. Размеры: высота—14,4 см, ширина на уровне плеч—5,1 см, толщина-2,4 см. Статуэтка изготовлена из светло-кремовой глины и покрыта светлым ангобом.

При традиционной позе обращает внимание П—образная выемка на лбу. Этот элемент не был встречен до сих пор на терракотах Хорезма. Можно предположить, что эта терракота восходит к изображениям более раннего времени, известным в Хорезме по найденным на Кой—Крылган—кале терракотам, которые датируются IV—Ш вв. до н. э. [2, с. 177].

Образ богини с прижатой к груди правой рукой широко распространён в Средней Азии.

Характер украшения на груди мелкими ромбовидными подвесками его сближает с переднеазиатскими изображениями. Известно, что цепочкой ромбов обычно интерпретируют как замещающий цепочку рыб символ женского божества [24, с 191]. Некоторые сходства можно уловить среди изображений переднеазиатской великой богини, именуемой Нанайей или Наной, чей образ, в свою очередь восходит к изображениям общеазиатской великой богини матери обнаженной [2, с. 177].

К следующему изображению относится нижняя часть женской фигурки, одетой в длинное платье, драпирующее бедра, неестественно лежащими горизонтально и наискось складками (рис. 1, 3). Из—под складки одежды ноги не видны. Статуэтка изготовлена из кремневого цвета глины, с примесью шамота, обжиг неравномерный, покрыта красноватым ангобом. Статуэтка в аналогичной одежде найдена в нижнем слое Кой—Крылган—калы. По имению М. Г. Воробьевой она воспроизводит какой—то древний образ богини [2, с. 180. 340, табл. 27, 16, 17].

Среди подъемного материала, собранного на территории памятника, имеется небольшая головка статуэтки, изображающая молодую женщину (рис. 1, 6). Левая половина лица сбита. Глаза миндалевидные, прямого разреза под узкими дугообразными бровями. Нос с узкой переносицей. Маленький рот близко расположен к носу. Лицо узкое, удлиненное, подбородок округлый. По краю излома шеи заметно, что на ней была изображена круглая гривна.

На голову, возможно, накинуто покрывало, надвинутое низко на лоб, оставляющее открытыми уши.

Статуэтка изготовлена из красной глины с примесью гипса и песка. Покрыта красным ангобом. Размеры: высота—4,2 см, ширина—3,6 см, толщина—2,1 см. Небольшие размеры головки указывают на относительно раннюю дату ее изготовления. Однако по технике изготовления, по качеству теста статуэтка относится к I—III вв. н. э.

Статуэтка мужчины имеет розовый черепок и красный ангоб. Голова статуэтки утрачена. Сохранившаяся часть прямоугольная, высота—8 см, ширина верхней части статуэтки—5,2 см, нижней 4,5 см, толщина—3,7 см. Правая рука согнута и лежит на поясе, левая опущена, кисть ее лежит на левом бедре. Короткий кафтан доходит до бедер, туго стянут в поясе (рис. 1, 9). Поверх накинута плащ—накидка. Штаны свободные, но не очень широкие, лежащие характерными горизонтальными складками до колен.

Данная статуэтка имеет некоторые аналогии с терракотом из Джан бас—калы [8, табл. 72, 2]. Аналогично одетые фигуры найдены в среднем и верхнем слоях Кой—Крылган—кала [2, с. 341, табл. 28, 30, с. 343, табл. 30, 52].

Терракота из светлой глины с красным ангобом была поднята с поверхности памятника.

Сохранилась лишь мужская голова с резко выраженными чертами лица европеидного типа (рис. 1, 10). Лицо с легкой улыбкой. Большие глаза в виде бугорков в овалах ресниц, веки переданы невысоким рельефом, зрачки обозначены не были. Небольшой рот обрамлен маленькими мягкими губами. Нос прямой, кончик его отбит. Прическа выполнена в виде овальных завитков, обрамляющих лоб и уши. В высоту терракота сохранилась на 31 см. Голова айбуйирской терракоты очень близко напоминает голову статуарного оссуария Кой—Крылган—калы II—III вв. н. э. [10, с. 74, рис. 32]. Аналогичной прической оформлена голова с дальверзинской вельможи [11, с. 216, рис 151]. Из долины Кашкадарья происходит терракота с подобным головным убором. Однако, эта терракота не датирована [12, с. 56, рис. 2],

Последняя статуэтка изображает торс мужчины. Широкие плечи, узкая талия говорят о его атлетическом телосложении (рис. 1, 7). Голова и часть ниже пояса отбиты. По краю излома шейки хорошо заметно, что на ней была изображена круглая гривна. Правая рука согнута, лежит на поясе. На запястье—круглый браслет. Левая рука опущена вдоль туловища. Сохранившаяся высота—4,1 см, ширина плеча—4,8 см, толщина—1,9 см. Статуэтка покрыта густо—красным ангобом. Такое украшение есть и на статуэтке мужчины из Кой—Крылган—калы (2, с. 338, табл. 25, 8] и на фигурке, найденной на Джанбас—кале [8, табл. 74].

Терракот с браслетом, несомненно, изображает неизвестное божество или жреца. Такой же на правой руке браслет показан на статуе царя Ашшурнасирапала II [13, с. 75] и на руке Мага золотой пластинки из Амударьинского клада [14, с. 10, рис. 4]. Эта статуэтка находит близкую аналогию в индобуддийской иконографии [15, рис. 92].

Найденные на Айбуйир—кале статуэтки зооморфного характера также вызывают огромный интерес. К ним относятся обнаруженные в

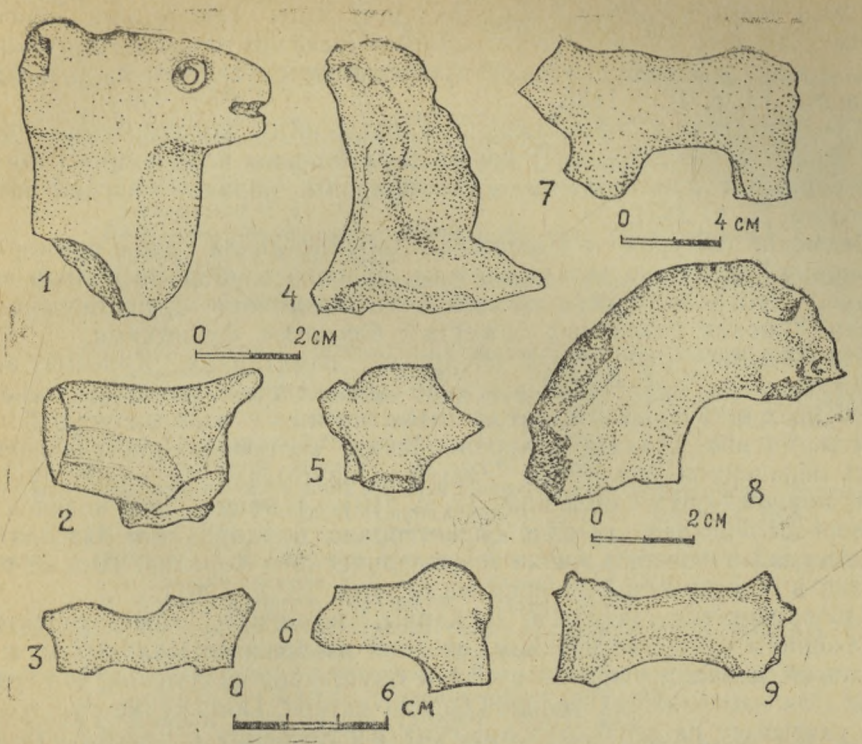
Рис 1.

нижних слоях раскопа изображения верблюда и фрагменты статуэтки лошади.

Голова верблюда [рис. 2, 1] имеет слегка горбоносый профиль, уши отбиты. Морда животного заужена и заканчивается горизонтальной прорезью, имитирующей рот. Сквозное отверстие в носовой части, возможно, использовалось для вдевания шнурка. Можно предположить, что это реальная передача того, что верблюд в то время мог использоваться как надежное транспортное средство при верховой езде с поводком. В целом статуэтка выполнена с незаурядным мастерством и изображает, по-видимому, породистого верблюда. Только правый бок верблюда покрыт красным ангобом, а левый—светлым.

Верблюд имел большое значение в жизни народов Средней Азии, и это отражено как в письменных источниках, так и в памятниках материальной культуры. Как один из наиболее почитаемых животных, верблюд неоднократно упоминается в Авесте [16, с. 7].

По сообщению Бейши, во владениях Ань (б. Аньси) владетель сидит на золотом престоле, напоминающем собой верблюда [17, с. 272]. В хорезмийской нумизматике короны царей Хорезма в III—IV вв изо-



бражались в виде лежащего двугорбого верблюда [18, с. 28]. Возможно, и статуэтку из Айбуйир—калы следует считать культовым изображением этого животного, играющего большую роль в жизни среднеазиатских народов.

У статуэтки лошади (рис. 2, 7) сохранилось лишь туловище. Ноги прямые, короткие. Статуэтка выполнена от руки и не покрыта ангобом.

Из 6 фрагментов статуэток животных с верхнего напластования верхнего горизонта 4 представляют фигурки лошадей, 2—относятся к неопознанным животным (овец, коз или собаки).

Фигурки лошадей покрыты красноватым и светлым ангобом. Ноги их отбиты. Судя по излому, ноги массивные и прямые. Хвост короткий, в форме треугольника, обращенного вершиной вниз (рис. 2, 6, 9). На одной из этих фигурок признак пола прочерчен (рис. 2, 6).

Голова лошади (рис. 2,8). Черепок сероватого цвета. Морда сухошавая, короткая. Глаза налепные, овальные. Шея длинная. Уши отбиты. Грива подстрижена ровным острым гребнем. Статуэтка покрыта красным ангобом.

Наконец, последние скульптуры фигуры относятся к неопознанным животным: овец, коз или собак (рис. 2, 2, 5). Они плохой сохранности, уцелели лишь обломки туловищ. Хвост их короткий. Статуэтки покрыты красным ангобом.

Среди терракотовых статуэток на городище преобладают изображения женских существ. Религиозное мировоззрение древних земледельцев пронизывала идея происхождения всего сущего из земли, которая представлялась в виде женщины. В литературе, посвященной этому вопросу, первоначально широко была распространена точка зрения, отождествляющая большинство женских терракот с образом Анахиты. Однако новый материал свидетельствует о наличии большого количества устойчивых иконографических типов, несомненно, связанных с почитанием разных божеств. В Согде, например, В. А. Мешкерис, среди группы терракот выделила пять иконографических типов [19, с. 5—13]. В Марги-

ане под условным термином „Великая маргианская богиня" объединено несколько типов культовых женских статуэток. Среди них наиболее распространенными и наиболее устойчивым были два типа—богиня—мать и богиня-дева, эволюция которых прослеживается с III—II вв.до поздней античности [3, с. 121—148].

Среди статуэток, изображающих различные хорезмийские божества, первое место занимают образы двух близких по функциям богинь, олицетворявших производящие силы природы: великой богини-матери и Анахиты [2, с. 210].

Женские фигурки с городища Айбуйир—кала даны примерно в одинаковых позах, но детали одежды, головного убора несколько варьируются. Это разнообразие объясняется, возможно существованием в древнем Хорезме различных божеств с близкими функциями.

На Айбуйир—кале, как и на других памятниках Хорезма, великая богиня-мать представлена в виде обнаженной женщины. Иконографию всех остальных статуэток мы относим к изображению богини Анахиты. Богиня Анахита в хорезмийских материалах всегда изображалась облаченной в длинное платье и покрывало, с одной рукой у груди, другой—опущенной вниз [2, с. 210]. Именно, это великая богиня зороастрийского пантеона олицетворяла плодородие и благодатные воды Амударьи—основы жизни земледельческого Хорезма. Имя ее было известно в Хорезме ещё во времена Беруни [9, с. 1987].

Обнаруженные статуэтки мужчины, возможно, тоже относятся к изображениям божества. Потому, что они изображают молодых мужчин с прижатой к животу правой рукой и опущенной вниз левой, это традиционно для изображений великой богини-матери. Положение рук, может быть, указывает на связь этих мужских изображений с кругом божеств, олицетворяющих плодоносящие силы природы [2, с. 212].

Среди изображений животных, найденных на Айбуйир—кале, наиболее распространенными были изображения лошадей. Остальные изображают мелких рогатых животных (овец, коз) и собак. Часть этих терракот могла иметь культовое значение, хотя какая-то доля их могла просто служить для других целей.

О существовании древнего культа коня в Хорезме есть прямое указание в письменных источниках. Геродот в своей характеристике массагетов пишет: „Из богов массагеты чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное" [22, с. 22]. Напомним также свидетельство Страбона о сако—массагетской принадлежности хорезмийцев [22, с. 23].

Что касается собаки, то это и верный страж стада, и, вдобавок, животное, очень чтимое сторонниками авестийской религии.

В заключение отметим, что в коропластике Хорезма и, в частности, с Айбуйир—калы можно обнаружить некоторые сходства с терракотами античного времени Бактрии, Согда, что свидетельствует об общих истоках и путях развития этого явления в культуре древней Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). т. 4, М. , изд-во АН СССР, 1959
2. Воробьева М. Г, Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. Сб. ;Кой-Крылган-кала—памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э —IV в. н. э. ТХАЭЭ, т, 5, М. , „Наука", 1967.
8. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва. Тр-ды Южно—Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ТЮТАКЭ). т. 11, Ашхабад, изд-во АН Турк. ССР, 1962.
4. Пугаченкова Г. А; Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, „ФАН", 1966.

5. Мешкерис В. А. Ранние терракоты Согда (К вопросу об истоках согдийской коропластики. Сб. : „Искусство таджикского народа", вып. 3. Душанбе, изд-во „Дониш", 1965.
6. Пилипко В. Н. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи. „Советская археология", 1977. № 1.
7. Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени (по материалам собрания Музея истории УзССР). Сб.: История материальной культуры Узбекистана. вып. 1. Ташкент, изд-во АН УзССР, 1959
8. Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Москва, изд-во МГУ, 1948.
9. Беруни Памятники минувших поколений. Избранные произведения. т. 1. Ташкент, изд-во АН УзССР, 1957.
10. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). т. 6. М., „Наука", 1971.
11. Пугаченкова Г. А. К итогам исследований Дальверзинтепе. Сб. : Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, „ФАН", 1978.
12. Кабанов С. К. Две терракоты из долины Кашкадарьи. Сб. : История материальной культуры Узбекистана. вып. 3. Ташкент, изд-во АН УзССР, 1962.
13 Садаев Д. Ч. История древней Ассирии. М. , „Наука", 1979.
14. Артамонов М. И. Сокровища саков М. , „Искусство", 1973.
15. Косамби Д. Культура и цивилизация древней Индии. Исторический очерк. Перевод с англ. М. Б. Граковой—Свиридовой. М. , изд-во Прогресс, 1968.
16. Авеста. Перевод Е Бертельса, ж, „Восток", кн. 4, М.—Л. , 1924.
17. Бичурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. М.—Л. , изд-во АН СССР, 1952.
18. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.. „Наука", 1977.
19. Мешкерис Б. А. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху. Изв. АН Тадж. ССР (серия обществ, наук), Душанбе, 1968, №2,
20, Богословский Евг, Памятники и документы из Дэр—эль—Мэдина, хранящиеся в Музеях СССР. „Вестник древней истории", 1972, №3,
21, Булгаков П. Г, Жизнь и труды Беруни, Ташкент, „ФАН", 1972,
22, Древние авторы Средней Азии (VI в, до н. э,—Ш в' н, э,), Хрестоматия под редакцией А, Б, Баженова, Ташкент,Изд-во научно-технической и социально-экономической лит-ры УзССР, 1940,
23, Пугаченкова Г, А, . Ремпель Л И, История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М. , изд-во „Искусство", 1965,
24, Воробьева М, Г. Хорезмийские терракоты, Сб, : Культура и искусство древнего Хорезма, М. , „Наука", 1981,

Summary

The article deals nith the terracotta statuettes, found near the site of ancient town Zarge Aibuirkala in 1976, 1779 and 1932. Nost of them are considered to de connected with the cult ceneives of the population of Choresm.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К. УМАРОВА

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современный период развития уголовно-правовой и криминологической науки характеризуется преимущественно комплексным подходом к решению имеющихся проблем, применением конкретных социологических исследований.

Проблема совокупности преступлений исследовалась А. М. Яковлевым, А.С. Никифоровым, В. П. Малковым, вопросы квалификации совокупности преступлений освещены в монографиях В. Н. Кудрявцева. Вопросам назначения наказаний по совокупности преступлений посвящена монография А. С. Горелика[2].

[1]. *Яковлев А. М.* Совокупность преступлений, М., 1960; *Никифоров А. С.* Совокупность преступлений, М., 1965; *Малков В. П.* Совокупность преступлений. Казань, 1974; *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений М., 1972.

[2] *Горелик А. С.* Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975.

ӨЗБЕКСТАН ССР ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ ХАБАРШЫСЫ

ЖИГИРМА БИРИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛЫЎЫ

ВЕСТНИК КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

№ 4 (82)

1980

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

НӨКИС НУКУС

Весь грузооборот Амударьи за 1907 г., по определению А. Михайлова, составлял 3300 тыс. пудов,[12] распределение их было следующим: на верхнем участке пути от Файзабад-Калы до Патта-Гиссара (Термез) грузооборот составлял до 100 тыс. пудов, на среднем—от Патта-Гиссара до Чарджуя—120 тыс. пудов, на нижнем участке—от Чарджуя в Амударьинский отдел и Хивинское ханство—до 2 млн пудов. Из указанных грузооборотов судами Амударьинской флотилии за навигационный период 1907 г. перевезено 850 тыс. пудов, в том числе 250 тыс. пудов мазута, 138 тыс. пудов казенных и 462 тыс. пудов частных (коммерческих) грузов. Около 2,5 млн пудов грузов было перевезено на местных баржах-каюках и верблюдах. Следовательно, частные (коммерческие) грузы, перевезенные судами пароходной флотилии, по нашему подсчету, составили 15% от общего амударьинского грузооборота.

Из прибрежных районов суда Амударьинской флотилии перевозили в Россию продукцию сельского хозяйства, а обратно из России—промышленные товары. В навигационный период 1914 г. судами флотилии было перевезено 457620 пудов грузов,[13] в том числе хлопка-сырца 21937, кожи—1627, каракуля—250, овчины—1679, семян льняных—5213, шерсти—3391, шелковичных коконов—408 пудов и др., основным потребителем которых являлась европейская Россия. Из России в Бухару, Хиву и Амударьинский отдел в тот же период флотилия доставила следующие грузы (в пудах): земледельческих орудий—252, керосина—16538, лесных материалов—27363, различной мануфактуры—2292, сахара—15387 и др.

Итак, Амударьинское казенное пароходство вместе со Среднеазиатской и Ташкентско-Оренбургской железными дорогами способствовали усилению торгово-экономических взаимоотношений побережной культурной полосы Бухарского, Хивинского ханств и Амударьинского отдела с Россией. Появились и развивались такие портовые города, как Чарджуй, Петроалександровск, Термез с количеством более тысячи рабочих и матросов. Проникновение русского капитала вело к развитию капиталистических отношений в отсталой национально-колониальной окраине государства.

Summary

On the basis of archival and literary data the author explaines the importance of Amudarja flotilla in the commercial relations of Choresmian oasis in prerevolutionary period.

[12] „Туркестанские ведомости" за 1908 г. №212, 213, 219, 220, 221.
[13] ЦГА УзССР, ф. И—16, оп. 1, д. 803 а, лл. 10—14.

АРХЕОЛОГИЯ

М. МАМБЕТУЛЛАЕВ, Н. ЮСУПОВ, Г. ХОЖАНИЯЗОВ

РАСКОПКИ РАННЕАНТИЧНОГО ХОРЕЗМИЙСКОГО ГОРОДИЩА ТОПРАК-КАЛА (ШАВАТСКАЯ)

Городище Топрак-кала расположено в 40 *км* к северо-западу от г. Ургенча, на территории сельсовета Чукли Шаватского района Хорезмской области. В 1973 г. оно было обследовано М. Мамбетуллаевым и Н. Юсуповым. На основе керамического материала, полученного из

шурфа размером 2 х 1,5 *м*, памятник отнесен к IV—II вв. до н.э.[1] В 1979 г. Институтом истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР совместно с Обществом охраны памятников истории и культуры УзССР были проведены археологические исследования в более широких масштабах. Получены новые материалы, о чем сообщается в данной статье.

Памятник имеет круглую в плане форму диаметром около 260 *м*, общая площадь городища внутри стен—около 5 *га*. Стены возвышаются в разных местах на 0,7—3 м. Без раскопок прослеживаются почти по всей окружности городища башни полуовальной формы, расположенные на расстоянии 22—24 *м* друг от друга. Вокруг городища хорошо заметен предстенный ров шириной 37—42 *м* и глубиной в современном состоянии около 1,5 *м*. В 1979 г. были проведены работы на стенках и башнях с целью выявления и уточнения их конструкций, заложено несколько шурфов для изучения стратиграфии городища.

Траншея 1 (22 х 2 *м*) была заложена через башню №3 на восточном фасе городища. Установлено, что стены крепости воздвигнуты на монолитной платформе высотой до 1,4 *м*. Над ней уложены в 10-12 рядов сырцовые кирпичи (0,4 х 0,41 х 0,9—0,13 *м*).

Башня в плане полуовальная, выступает за линию стены на 6,25 *м*. Фундамент у подножия башни тоже был пахсовым, а выше шла кладка из сырцового кирпича (0,4 х 0,4 х 0,9—0,13*м*). Внутрибашенная камера, в плане замкнутый прямоугольник (2,65 х 7,22 *м*), была заложена на всю высоту стен квадратным сырцовым кирпичом. Кирпичная закладка положена на серый песок. В ней встречаются фрагменты гончарных сосудов, принявших при обжиге ровный красный цвет. Толщина стены у башни 12,8—13 *м*. Такая же толщина стены крепости.

Непропорционально малые размеры камеры по сравнению со стенами, отсутствие прохода и культурного слоя в них наводят нас на мысль, что перед нами верхняя плоскость цокольной части крепостной стены и башен, толщина которых превосходит все известные нам стены крепостей античного Хорезма. Цокольная часть крепости обложена снаружи приставными стенами шириной (по верху) 1,19 *м*. Толщина цоколя крепости с панцирями превысила 13 *м*. Подобные приемы утолщения нижней части основных стен известны и на других памятниках Хорезма античного времени. Так, стены Хазараспа[2] и Топрак-калы[3] около г. Хивы также усилены внешним панцирем, что имело большое значение для обороны города, так как пахсовые цоколи со скосом уменьшали подстенное мертвое пространство, тем самым препятствовали возможности подкопов, направленных на разрушение нижней части стен,[4] и обеспечивали дополнительную прочность против стенобитных машин.[5]

Для уточнения стратиграфии и выяснения культурных наслоений на городище было заложено несколько шурфов.

Шурф I (4 х 4 *м*) был заложен в северо-восточной части 44 *м* к западу от башни №5 и доведен до материка на глубину 1,64 *м*. Одновременно с материком на отметке 3,43 *м* выступили грунтовые воды. Выше увлажненного светло-серого грунта выявлена поверхность перво-

---

[1] *М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов.* Археологические работы Хорезмской области Сб. „Археологические открытия 1973 г." М., изд-во „Наука", 1974, стр. 483.

[2] *М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик.* Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. МХЭ, вып. 6, стр. 1963.

[3] *М. С. Лапиров-Скобло.* Новый памятник фортификации древнего Хорезма. Сб. „Археологические открытия 1968 г." М. изд-во „Наука", 1969, стр. 414.

[4] *Б. А. Тургунов.* Приемы фортификации античного Чаганиана. „Советская археология", 1968, №1, стр. 47.

[5] *В. Ф. Шперк.* История фортификации, т. I. Фортификация древнего мира. М., изд-во АН СССР, 1948, стр. 123.

го пола. Здесь, в сером глинистом слое с древесными угольками, найдены фрагменты керамики, кости животных, обломки зернотерки. Второй пол находится выше первого на 0,67-0,78 *м*. На его поверхности обнаружен зеленоватый слой с золой и древесными угольками. На полу обнаружены фрагменты стенок хумов, хумчи и крышки. Найдены обломки зернотерки, обильно кости животных. Третий пол расположен выше второго на 0,55-0,77 *м*. Над ним серый глинистый слой, включающий в себя строительный мусор с угольками, в которых встречаются редкие находки—кости животных, фрагменты керамики.

В шурфах II и III, заложенных в юго-западной и юго-восточной частях над материком (0,52-0,83 *м*), выявлен увлажненный серый песчанистый слой с редкими древесными угольками. Выше его лежало небольшое скопление золы, где найдены фрагменты крышки и стенок хумчи.

В шурфах IV и V (2 х 2 *м*), заложенных в центре городища, на глубине 0,64 *м* от поверхности вышла грунтовая вода. Здесь не выявлено наличие культурного слоя.

Наблюдения над напластованиями показывают, что слои внутри городища по всей площади нарастали неодинаково и вся внутренняя часть была обжита. Планировки располагались радиально, вдоль стены крепости. Центральная часть лишена следов построек, по нашему предположению—это базарная площадь или место общественных собраний.

Основным материалом для датировки являются фрагменты керамики с трех полов и с поверхности городища.

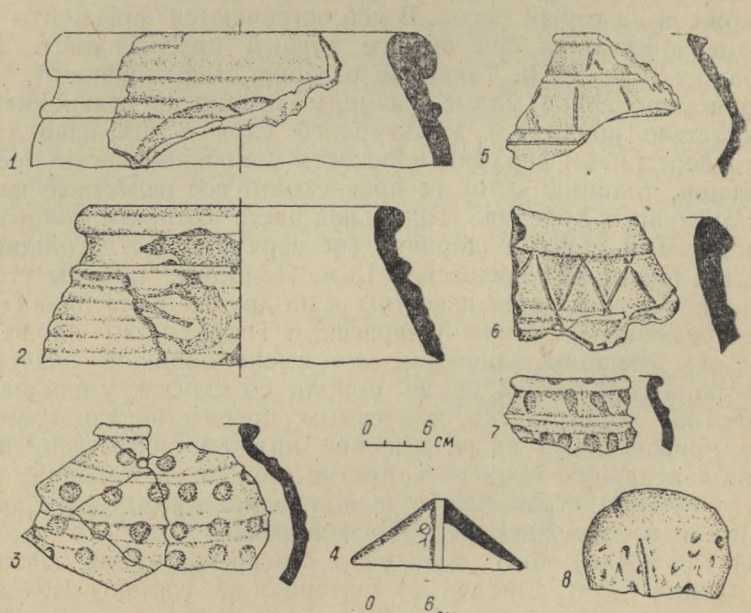


Рис. 1. Топрак-кала (Шаватская). Образцы керамики.

В культурном слое над первым полом найдено большое количество керамики. Хумы представлены фрагментом стенок и венчиками. Венчики имеют в сечении округлую форму. Внешняя поверхность хумов покрывалась красной краской в виде кругов или завитков (рис. 1,1). На стенке одного хума выявлен прочерченный знак, состоящий из прямой черты и примыкающей к ней одним концом дуги.

Хумчи с округлым или валикообразным венчиком. По плечикам идет невысокий валик, от которого, как и у хумов, начинается роспись

в виде трех спиралей. На поверхности некоторых хумчи сохранилась характерная для архаической посуды горизонтальная рубчатость (рис. 1,2). Имеется хумча с орнаментом в виде прочерченныхтреугольников и прямоугольников, закрашенных красной краской (рис. 1,5,6). Такой прием украшения сосудов был широко распространен в Хорезме в IV-III вв. до н.э.[6]

Среди находок на втором полу следует упомянуть фрагменты стенок и венчиков горшка. Снаружи они покрыты светлым ангобом, поверх которого нанесена роспись красной краской в виде запятых (рис. 1,7) или вертикальных полос. Иногда вместо линий и запятых горшки расписывались круглыми пятнышками (рис. 1,3). Орнамент некоторых состоит из прочерченных закрашенных через один прямоугольников, расположенных вокруг шейки и спускающихся на плечики одним или несколькими рядами прочерченных и закрашенных треугольников. Вся эта керамика известна в комплексах Хазараспа, Калалы-гыр 1 и Койкрылган-калы (нижний слой) и датируется IV-III вв. до н. э.[7]

Крышки имеют конусообразную форму, наружная поверхность расписана красной краской по светлому ангобу. Подобной формы крышки с росписью характерны для Хорезма IV-III вв. до н.э. (рис. 1,4).[8] Особо отметим налепы в виде львиных голов, которые украшали ручки кувшинов.[9]

Вся описанная посуда изготовлена из хорошо приготовленной глины, получившей при обжиге красноватый (розовый) цвет.

Ядро для пращи из необожженной глины также имеет аналоги на памятниках IV-III вв. до н. э. (рис. 1,8).[10]

Следует вместе с тем отметить, что найденные единичные фрагменты керамики по целому ряду признаков (ребристым туловам, манжетовидным венчикам) относятся к поздней хорезмийской архаике (V в. до н. э.). К сожалению, эти находки связаны с завалами между двумя верхними полами и засыпками башни, а материал для засыпок мог быть взят с другого участка городища. Тем не менее, они не могут, на наш взгляд, существенно повлиять на предложенную нами датировку.

В целом керамический материал с нижних и верхних полов раскопа позволяет сделать вывод о возведении крепости в конце IV-III вв. до н. э.

Результаты исследования городища показывают, что Топрак-кала, как и большинство других городов Хорезма, была окружена широким рвом и имела мощные оборонительные стены с башнями полуовальной формы. Этот вид укреплений известен для памятников Хорезма с VI в. до н. э.

Особое внимание привлекает циркулярный план города, что в Хорезме очень редко: два таких городища расположены на правобережной части Амударьи (Койкрылган-кала, Малый Кырккыз), другое в ле-

---

[6] *М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик.* Археологические работы в Хазараспе, стр. 178, рис. 13, 1,3, 18. *М. Г. Воробьева.* Керамика Хорезма античного периода. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ), т. IV. М., изд-во АН СССР, 1959, стр. 93, рис. 9, 24, 25.

[7] *М. Г. Воробьева.* Керамика Хорезма античного периода, стр. 92, 99, рис. 9, 24, 25; 12, 18-22.

[8] Там же, стр, 108, рис. 17, 5,9.

[9] *М. Г. Воробьева.* Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, М., изд-во АН СССР, 1959, стр. 43, рис. 3,

[10] *А. В. Гудкова.* Ток-кала. Ташкент, изд-во „Фан", 1964, стр. 17. Койкрылган-кала—памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. ТХАЭЭ, т. V. М., изд-во „Наука", 1967, стр. 138, рис. 55, 1-4.

вобережной (Тупрак-кала) и одно близ Чарджоу (Устык).[11] Все они составляют один тип классификации городищ античного Хорезма.

Вместе с тем планировка и фортификационные решения Топрак-калы (Шаватской) имеют свои особенности: крепость выделяется от выше указанных сравнительно большими размерами; центральная часть лишена построек; толщина стены цокольной части и башни (12—13 *м*) превосходит все известные нам стены памятников Хорезма в IV-III вв. до н. э. Только цокольная часть городища Калалы-гыр I (V-IV вв. до н. э.) имеет сходные размеры. За пределами Хорезма круглые сооружения обнаружены на территории Северной Бактрии (Дашлы-3, Алтын-Дильяр-тепе, Талашкан-тепе).[12] Такую же планировку имели в восточной Парфии Эрк-кала (цитадель Гяур-калы),[13] городище Хатра в Месопотамии[14] и Так-и-Сулейман, Экбатаны в Мидии.[15] Геродот, описывая древнюю столицу Мидии Экбатаны, говорит, что город был окружен семью кольцами круглых стен.[16]

Происхождение подобной планировки Г. А. Кошеленко связывает с кочевническими приемами укрепления лагерей.[17] Г. А. Тирацян также считает, что круглый план имел прототипом ассирийские военные лагеря.[18] Не касаясь сейчас вопроса о происхождении такой планировки городов, отметим некоторые сходства хорезмийских круглых сооружений с памятниками Бактрии, территории которых находились в соседстве еще в начале VI в. до н. э.[19]

Дашлы-3, относящееся ко II тысячелетию до н. э., в планировочном принципе очень сходно с городищем Койкрылган-кала. И там, и тут два кольца стен, образующих галерею; в обоих случаях имеется по 9 башен, с той лишь разницей, что в Койкрылган-кале башни расположены внутри стен, а в Дашлы-3 они выступают наружу.[20] Хотя между североафганским и хорезмским памятниками существует большой хронологический разрыв, не исключено, что истоки планировочных принципов крепости Койкрылган-кала и других круглых сооружений, очевидно, восходят к архитектурным сооружениям типа круглого здания Дашлы-3 и Кутлуг-тепе.[21] Отмеченное сходство может свидетельствовать о историко-культурных связях между населением этих областей.

Судя по керамическому материалу, после III в. до н. э. Топрак-кала не обживается. О политической истории Хорезма в данный пери-

---

[11] *С. П. Толстов.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., изд-во АН СССР, 1958, стр. 26.

[12] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции. Сб. „Древняя Бактрия (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг.)". М., изд-во „Наука", 1976, стр. 18, рис. 146. *Ш. Х. Заппаров, Э. В. Ртвеладзе.* Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I. Сб. „Бактрийские древности". Л., изд-во „Наука", 1976, стр. 23.

[13] *Г. А. Пугаченкова.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. VI. М., изд-во АН СССР, 1958, стр. 19, рис. 7.

[14] *Г. А. Кошеленко.* Парфянская фортификация. „Советская археология", 1963, №2, стр. 68, 70.

[15] *Г. А. Кошеленко.* Культура Парфии. М., изд-во „Наука", 1966, стр. 53, рис. 13.

[16] *А. М. Акопян.* Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией (градостроительство и архитектура). „Советская археология", 1979, №4, стр. 29.

[17] *Г. А. Кошеленко.* Культура Парфии, стр. 53.

[18] *Г. А. Тирацян.* К вопросу о государственной структуре и топографии древнего Валаршапата. „Историко-филологический журнал" (Ереван), 1977, №2, стр. 50.

[19] *М. Г. Воробьева.* Проблема „Большого Хорезма" и археологии. Сб. „Этнография и археология Средней Азии". М., изд-во „Наука", 1979, стр. 41.

[20] *В. И. Сарианиди.* Древние земледельцы Афганистана. М., изд-во „Наука", 1977, стр. 35, рис. 11.

[21] Там же. стр. 118.

од подробных сведений нет, поэтому трудно судить о причинах замирания жизни в Топрак-кале. Но характерно, что подобное кризисное явление прослеживается и на других памятниках Хорезма этого времени. Так, например, Ток-кала погибла и запустела в результате военной катастрофы и пожара,[22] Аяз-кала I,[23] Пиль-кала и Топрак-кала (около г. Хивы)[24] заброшены недостроенными, Гяур-кала (Султануиздагская) прожила недолго и перестроена.[25]

Пока можно предполагать, что Хорезм в III в. до н. э. подвергся военному нашествию, что, вероятно, было связано с передвижением кочевников на юг, впоследствии разгромивших Греко-Бактрийское царство и расчистивших место для возникновения Кушанской империи. Как сообщают письменные источники, в движении кочевников в Бактрию и Индию активное участие принимали дахи (дах), парны (апарны)[26] и другие степные племена Приаралья.[27] Имеются данные, что в первой половине III в. до н. э. дахи вторглись в районы Южной Туркмении.[28] В своем движении на юг кочевники могли столкнуться с Хорезмом, и вполне возможно объяснить упадок жизни в отдельных хорезмийских городах в конце III в. до н. э. их нашествием.

Summary

Results of the excavations carried out in 1979 on the site of ancient town Toprak-kala (Shavatskaja) are given in the article. Chronology (beginning of IV-III cent. B. C.) and the fortification peculiarities of the monument are defined.

---

[22] *А. В. Гудкова.* Ток-кала, стр. 16.

[23] *Ю. П. Манылов.* Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972, стр. 6.

[24] *М. С. Лапиров-Скобло.* Новый памятник фортификации древнего Хорезма, стр. 414.

[25] *Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская.* Городище Гяур-кала. ТХАЭЭ, т. II. М., изд-во АН СССР, 1958, стр. 366.

[26] *А. В. Гудкова, Ю. П. Манылов.* Хорезм и его северные соседи в раннеантичное время. Всесоюзное научное совещание „Античная культура Средней Азии и Казахстана" (тезисы докладов). Ташкент, изд-во „Фан", 1979. стр. 41.

[27] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., изд-во „Восточной литературы", 1962, стр. 204.

[28] *И. В. Пьянков.* Движение степного населения и взаимодействие его с населением оазисов Средней Азии в III в. до н. э.—I в. н. э. Всесоюзное научное совещание „Античная культура Средней Азии и Казахстана", стр. 42.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

У. Д. ДОСПАНОВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНЫХ ТЕРМИНОВ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

В лексическом пласте диалектов каракалпакского языка наряду с другими категориями наблюдается наличие и различных терминов. К примеру, термины родства, функционирующие в составе северного и южного диалектов. Отметим, что в последнее время уделяется большое внимание изучению терминов родства тюркских народов. Появилось немало публикаций, посвященных этимологизации и дальнейшей конкретизации значения родственных терминов.[1] Сбору материалов по каракалпакским терминам родства и их широкому использованию в процессе

---

[1] Библиографию см.: *Л. А Покровская.* Термины родства в тюркских языках. Сб. „Историческое развитие лексики тюркских языков". М., 1961, стр. 11—81.